

К ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ ОСЕНЬЮ 1956 ГОДА: ПРОЛЕТАРСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

© 2020 г. А.Ф. Носкова

Д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

noskova.albina@rambler.ru

В статье на основе анализа документов из архивохранилищ России и привлеченных автором необходимых научных исследований российских и польских историков проанализированы внутренние социально-экономические и политические причины общественного кризиса в Польше в 1956 г., рассмотрен ход и итоги советско-польских переговоров осенью 1956 г. Автор пришел к выводу, что способы разрешения противоречий по вопросам экономического и военно-политического сотрудничества и достигнутые договоренности соответствовали национально-государственным интересам СССР – КПСС и ПНР – ПОРП.

The article is based on the analysis of documents from the Russian archives and works of Russian and Polish historians and analyses the inner social, economic and political causes of the social crisis in Poland in 1956, considers the process and results of the Soviet-Polish negotiations in the autumn of the same year. The conclusion is made that the methods of resolving the contradictions and agreements on the issues of economic and military-political cooperation corresponded to the national interests of the USSR – CPSU and PPR – PUWP.

Ключевые слова: СССР, КПСС, ПНР, ПОРП, 1956 г., общество, кризис, противоречия, переговоры, национально-государственные интересы, методы урегулирования.

Keywords: USSR, CPSU, PPR, PUWP, 1956, society, crisis, contradictions, negotiations, national interests, settlements methods.

DOI: 10.31857/S0869544X0009515-9

Осенью 1956 г. руководители СССР и ПНР встречались дважды, в октябре и ноябре. Поводом послужили разногласия по политическим и экономическим проблемам в двусторонних отношениях, а причиной – нараставшее в 1950-е годы ухудшение экономической ситуации в Польше и тревожное для власти социально-политическое недовольство, «пиком» которого и стал 1956 г. Для СССР и ПНР этот внутрисистемный кризис проложил исторический рубеж между «до» и «после».

За истекшие десять послевоенных лет ситуация в Польше существенно менялась не единожды и довольно стремительно. Сложное воздействие на

«самочувствие» ее граждан оказали новые реальности. Важнейшей среди них было обретение, по воле глав США, СССР и Великобритании, новой системы союзов и геополитического местоположения на континенте. Факт освобождения польских земель советскими войсками от гитлеровской оккупации и политические договоренности Большой тройки в Тегеране и Ялте, закрепленные решениями в Потсдаме [1], были таковы, что, помимо сохранения традиционно союзных отношений с Великобританией и США, военно-политическим союзником и единственным гарантом внешнеполитической безопасности Польши стал СССР, а отношения с ним заняли ключевое место во внешней и внутренней политике страны. Главный победитель в Европе взял на себя ответственность за сохранность и безопасность территориальных приобретений Польши за счет Германии. Для этого в западных воеводствах с лета 1945 г. разместились Северная группа советских войск [2. С. 454]. Их присутствие одновременно являлось фактором и внутривнутриполитической жизни, оказывало воздействие на общественные настроения в стране, весьма чувствительной к вопросу своей независимости¹.

Внутреннюю безопасность государства должна была обеспечить власть, сразу после освобождения имевшая поддержку меньшинства населения, но представлявшая объективные интересы его абсолютного большинства. Польские коммунисты – идейно-политические единомышленники СССР, получили ключевые позиции в структурах управления, отдав немалую часть власти тем социалистам, людовцам и демократам, кто, ради возрождения государства, согласился на потери территории на востоке при выгодной компенсации на западе и на предоставление Москве приоритетного места в системе его послевоенных союзов. Участие во власти рядом с коммунистами представителей довоенного политического класса из демократических рядов оппозиции режиму санации, считавших предпочтительной ориентацию Польши на Запад, отражало коалиционность власти, отличавшую ее от отвергаемого многими поляками советского образца, и было призвано «уравновесить» влияние коммунистов. Так в Польше при поддержке СССР и трудовой и малоимущей части населения в 1945 г. была установлена власть, коренным образом отличавшаяся от довоенной (см. подробнее [2. С. 430–434]).

Эти принципиальные перемены весьма болезненно воспринимались многими поляками. Сохранялось доверие к правительству в эмиграции и его подпольным структурам в стране, были распространены националистические, антисемитские, антикоммунистические и антисоветские настроения разной степени радикальности² и представления о польских коммунистах как исключительно евреях и «руке Москвы». Они разделялись теми, кто потеряв власть, надеялся на возвращение к довоенным порядкам и на разрыв с СССР. Сохранявшееся ряд лет антиправительственное военно-политическое, в том числе

¹ Одним из негативных слагаемых этой атмосферы была окончательная утрата, по воле Большой тройки и в пользу СССР, многонациональных довоенных восточных воеводств. В течение 20 лет между мировыми войнами усилиями польской пропаганды «восточные креслы», присоединенные в результате победы «польского оружия» над Красной армией в 1920 г., стали для миллионов поляков символами возрождения польской государственности, заняли прочное место в их исторической памяти и бросали «тень» на состояние советско-польских отношений.

² Отмечу, что интерес к фашизму, в частности к антиеврейским законам в Германии, были свойственны некоторым довоенным политическим кругам Польши. В 1930-е годы в молодежной среде существовали радикальные, включая откровенно фашистские и профашистские, организации, и в годы войны в польском подполье действовали партизанские отряды, сотрудничавшие с гитлеровцами на антисоветской основе. (см. подробнее [3]).

вооруженное, подполье и его сторонники в разных слоях национально чувствительного польского общества активно убеждали поляков, что Красная армия «оккупировала» утратившую независимость Польшу, и через коммунистов правит Москва. Соответственно истолкованные реальные факты (участие советских советников в организации аппарата управления и гражданского производства, в деятельности польских органов безопасности, служба советских людей в Войске польском и размещение группы советских войск) противопоставлялись усилиям и успехам новой власти в восстановлении и реформировании страны. В результате среди значительной части польского общества бытовали и постоянно подпитывались подпольной печатной и устной пропагандой антикоммунистические настроения, которые создавали неустойчивую общественную атмосферу. В ней сосуществовали недоверие к «временной» власти, нередко враждебность к СССР одних, убежденность в правоте власти, ее поддержка и признание роли СССР в спасении от уготованной гитлеровцами гибели — других и большинство третьих, тех, кто хотел лишь мирной жизни и работы во благо семьи, временами поддерживая, правда, тех или других³.

Однако в результате проводимых властью общедемократических преобразований в пользу большинства, по мере того как восстанавливалась экономика, атмосфера в стране улучшалась. Рядовой поляк все больше выбирал вместо противостояния «жидо-коммуне», ориентации на подполье и его поддержки, обыкновенную жизнь, участие в восстановлении страны, жилье, учебу, работу, постепенно отдаляясь от неприятия новой власти. К 1948 г., в основном, завершилась в ее пользу идейно-политическая (с элементами вооруженной и репрессивной) борьба за облик страны и предпочтительную ориентацию на Запад или Восток. Это обстоятельство, успехи в реформировании социальных отношений в пользу ранее неимущих слоев и в модернизации экономики при материальной и финансовой поддержке СССР отозвались улучшением положения населения. Большая его часть переходила к нейтральному или позитивному восприятию власти и восточного соседа в качестве главного союзника, была готова принять новые реалии 1948 г., а на рубеже 40–50-х годов, ощутив выигрыш от происходивших социально-экономических перемен, принимала и польскую версию политического режима советского типа во главе с Польской объединенной рабочей партией (ПОРП) [4. S. 120; 5. S. 30, 47].

Однако к 1953–1955 гг. эти настроения людей, включая часть находившихся у власти, в разной мере преданных сторонников советского опыта и политически активных молодых революционеров, беспартийных и членов ПОРП⁴, были поколеблены. Повлиял ряд обстоятельств. Отмечу морально-политическое — смерть Сталина в 1953 г., с именем которого многие поляки раньше — молча, теперь все более открыто связывали немалые (по польским меркам) репрессии в стране и партии против реальных и мнимых противников власти, включая подполье времени сопротивления гитлеровским оккупантам. Возбуждающую роль сыграл XX съезд КПСС. Он обозначил грядущие перемены. Но определяющим фактором влияния на общество стало падение уровня жизни, ухудшение, прежде всего, продовольственного снабжения городов, что обнажило несоответствие достигнутых

³ Анализ причин такого идейно-политического состояния польского общества — предмет иного исследования.

⁴ По словам современника и участника тех событий, социалиста, затем члена ПОРП и ее ЦК, историка А. Вербляна, «это были люди, которые действительно, очень глубоко верили в новый порядок. Вера была тому основанием». Были и те, по его мнению, кто принял новую действительность «скорее разумом, чем верой», эмоционально хотел социализма, был сторонником революционных методов и «социалистического реализма» [5. S.67–68].

результатов намерениям и обещаниям подъема экономики Объединительным съездом рабочих партий в декабре 1948 г. Скверная экономическая ситуация, будучи прямым следствием невыполнения 6-летнего плана развития страны, формировала атмосферу нарастающего раздражения властью, олицетворением которой выступало персонально руководство ПОРП [6–9].

К 1956 г. падение жизненного уровня рабочего класса, довоенного и рожденного индустриализацией, не желавшего возвращения к прошлой жизни и составившего «ядро» поддержки ПОРП, достигло апогея. Высокие налоги на частную торговлю и ремесло вызвали обеднение и недовольство мелких тружеников. Стали систематическими забастовки в разных городах и районах, где, наряду с превалировавшими экономическими требованиями (повышение зарплат, снижение налогов, улучшение продовольственного снабжения), раздавались политические призывы и лозунги (обеспечить права граждан, но, прежде всего – свободу совести и независимость от СССР) (см. подробнее [2]).

Изменились настроения и крупной социальной группы населения – крестьянства. В послевоенные годы крестьяне, взяв землю от коммунистов, помня свой недавно «нищий социальный престиж, [...] одобряли совершавшиеся революционные преобразования в социальных отношениях, хотя одновременно были против социалистических преобразований в известной им (советской. – А.Н.) версии» [7. S. 333]⁵. После подавления к 1948 г. разными методами, в т.ч. репрессиями партии, позиционировавшей себя представителем интересов деревни, с которой связывались надежды на избавление от нужды и колхозов, после того, как ПОРП, отстранив в 1948 г. от власти Вл. Гомулку, *de facto* дезавуировала данное им в 1946 г. обещание не создавать колхозов еще 15–20 лет и приступила к принудительной, как правило, организации производственных кооперативов, настроения крестьянства стали принципиально другими⁶. Оно ответило власти массовым уклонением от вступления и работы в кооперативах, а власть крестьянам – силовым подавлением протестов в деревне [11]. Однако польское крестьянство отстаивало право на свой надел, ибо производительность его труда была тогда выше, чем в слабо обеспеченных техникой и плохо управляемых кооперативах и госхозах. И хотя «порог» протестных настроений на селе был ниже городских, индивидуальные крестьяне и крестьяне-члены кооперативов, оплата труда которых не поспевала за городом, были недовольны ростом налогов, дороговизной промышленных товаров, семян, удобрений, отставанием социальных и бытовых условий от городских норм.

Недовольство обстановкой в стране имело место среди широко понимаемой и в первой половине 1950-х годов численно выросшей польской интеллигенции. По понятным причинам во внутренней «оппозиции» новой власти, как таковой, находилась та ее часть, которая в свое время по идейно-политическим и социально-экономическим мотивам поддерживала довоенный режим, создавала правительство в эмиграции и «свое» антигитлеровское подполье, теперь, утратив власть и привилегированное социальное положение, шла на контакт с «враждебной» властью и трудилась во имя Польши⁷.

⁵ Крестьяне составляли 22,1% членов Польской рабочей партии (ППР) [10. S. 288].

⁶ В конце неурожайного 1953 г. правительство осознало, что ставка на производительную силу коллективного труда провалилась и вся страна может оказаться перед угрозой голода (цит. по [7. 334–347]).

⁷ Характеризуя польскую интеллигенцию, крупный социолог времен ПНР Ю. Халасиньский в 1946 г. задавался вопросом: «Откуда взялось в ней чувство превосходства или убеждение, что она представляет весь народ, или миф ее шляхетского происхождения»; в 1958 г., критикуя власть, профессор продолжил: «Нигде это противопоставление не получило такой отчетливости, как у нас, [...]»

Все больше вопросов задавали принявшие ПОРП, как источник власти, обеспеченные работой люди творчества, профессура, учителя, историки, юристы, а также новое многочисленное и политически активное студенчество. Не отвергая достигнутые успехи строительства социализма по-советски, поддерживая планы цивилизационного рывка страны под руководством ПОРП, они были озабочены отсутствием прогресса в экономике, не соглашались с репрессивными, нередко мотивированными политической «целесообразностью» методами работы спецслужб, суровыми уголовными преследованиями «своих» и «чужих» за нередко приписываемое «инакомыслие» и сотрудничество с «врагами» партии. Особый протест вызывали наказания за причастность к проправительственному подполью военного времени, к патриотической, но антикоммунистической и антисоветской, а с 1945 г. и антиправительственной Армии крайовой, к ее нелегальным «остаткам», немало теперь пораженным обычным бандитизмом (см. подробнее [9; 12]).

Особые опасения вызывала у власти оппозиционность Польской католической церкви, оказывавшей, пожалуй, самое значительное и существенное влияние на национальное сознание. Глубоко религиозные поляки были крайне недовольны принуждением церкви к сотрудничеству на условиях, которые диктовала светская власть, вмешательством правительства в кадровую политику и контакты епископата с Ватиканом, применением репрессивных мер к примасу Польши, кардиналу С. Вышинскому и ряду епископов, ограничением религиозного просвещения в школе. В августе 1956 г. 200 тыс. прихожан, на католическом празднике в Ченстохове, потребовали от власти освобождения священнослужителей и свободы для церкви (см. подробнее [13. Раздел III. Гл. I, III. С. 499–525, 714–757; 14. С. 160–188]).

Почти всеобщим было недовольство и раздражение поляков, как уже указывалось выше, пребыванием на польской земле советских войск (см. [15. С. 153–155, 414–416, 578; 16. С. 153–154; 2. С. 102–103; 123–125; 153–155]), службой советских генералов и офицеров в Войске польском, советников в госбезопасности. Это воспринималось обществом как откровенное ограничение национального суверенитета Польши, что противоречило вековой национальной традиции борьбы за независимость от России, занимавшей большое место в исторической памяти поляков. Недовольны по разным причинам были люди разного социального положения, включая тех, кто служил в Войске польском и Министерстве общественной безопасности⁸.

Значительная часть сформировавшегося к середине 1950-х годов нового польского офицерского корпуса профессионально не могла не понимать

интеллигенция – польские Европейцы, и народ – польские Негры – не имеющая исторического значения мешанина, а не органическое целое современного народа. Польская интеллигенция [...] в своей исторически сформированной структуре мешает народным массам самостоятельно найти смысл жизни, потому что создает такой моральный климат, который не высвобождает в рабочих и крестьянах чувства гордости и ростки героизма». Много позднее, в 1986 г. известный социолог Вл. Маркевич настаивал, что «никогда, ни во время II Республики, ни в период Народной Польши, интеллигенция не совершила сама провозглашенного и заявленного [...] расчета над собой как социальным слоем» (цит. по [7. С. 377]).

⁸ Советские представители были «соавторами» формирования и деятельности по советским образцам 40–50-х годов польских государственно образующих, прежде всего, силовых структур. В Войске польском их деятельность была направлена на создание его современного оборонительного потенциала для противостояния внешней агрессии, как тогда считалось, со стороны Германии. Советники в армии и госбезопасности координировали с Москвой свою политическую и разведывательную деятельность, политически консультировали польских коллег в работе по обеспечению внутренней безопасности, выполняли «надзорные» функции (см. подробнее [9. Гл. VII. С. 592–655]; 17. С. 104–113]).

подлинные цели нахождения в Польше советских офицеров и генералов на командных должностях в армии, советников в структурах госбезопасности, тем не менее, воспринимала их присутствие как вмешательство во внутренние дела и одновременно как ограничение возможностей польских генералов и офицеров занимать командные должности, как ущемление интересов национальных кадров. В 1956 г. они открыто настаивали на выводе советских войск из страны, отзыве с поста министра национальной обороны К.К. Рокоссовского и советских военнослужащих из Войска польского, требовали отмены единоначалия в армии, ликвидации института советников в Управлении информации (разведка и контрразведка) и судопроизводстве Войска польского, удаления советников КГБ из госбезопасности, репрессивную политику которой польское общественное мнение связывало исключительно с советскими людьми [18. С. 472, 480—482]. Более того, в октябре 1956 г. вопросы, суверенна ли Польша, зачем здесь советские войска, генералы и офицеры в армии и министерствах, звучали по всей стране на массовых митингах и протестах по поводу низких зарплат и плохого снабжения. В самом Войске польском выдвигались требования демократизации, проявлялась готовность действовать, отстаивая суверенитет страны [19. Д. 142. Л. 191—193; Д. 143. Л. 1—2].

Столь серьезная политическая ситуация в силовых структурах Польши становилось опасной для ПОРП и непросто решаемым противоречием в советско-польских отношениях. Реальность была такова, что в ту пору расположенная между СССР и Германией, где не смирились с потерей части территории, Польша могла противостоять агрессии с Запада, лишь находясь в союзе с СССР. Другие варианты были чреваты потерей бывших германских провинций. В снижении этого противоречия был объективно заинтересован и СССР, ибо через Польшу лежал самый короткий путь к его границам и в обратном направлении. Совпадение геополитических интересов на западном направлении возможного вооруженного удара выступало объективной данностью и диктовало странам необходимость быть союзниками.

Важными факторами безопасности страны являлись внутренняя стабильная экономическая ситуация и устойчивая политическая власть, что в польском случае во многом зависело от советско-польских отношений. Между тем, их состояние вызывало в Польше почти всеобщее недовольство. Время и трудности жизни снижали или вытесняли из памяти рядового поляка чувство признательности солдатам Красной армии за избавление от гибели, а советской стране за всестороннюю и постоянную материальную помощь в возрождении Польши. Теперь, в условиях недовольства экономической обстановкой, антисоветские настроения усилились, стали нескрываемы, советского союзника все чаще и не без помощи извне упрекали в «навязывании» власти коммунистов, обвиняли в ограблении страны через неравноправные-де договоры и невыгодные торговые отношения — «источник» ежедневных материальных трудностей жизни поляков. Раздавались требования пересмотра всех экономических контактов с СССР. Так к середине 1950-х годов советское «направление» в общественных настроениях и внутривнутриполитической ситуации становилось центральным и весьма взрывоопасным.

Особенно резко и повсеместно ставилась «угольная проблема». Поляки в массовом порядке требовали пересчета стоимости поставленного в СССР, начиная с лета 1946 г. по 1 января 1954 г., главного, если не единственного

в те годы продукта польского экспорта — некачественного бурого угля⁹. Летом-осенью 1956 г. события развивались так, что «неправильные оплаты» стали, на первый взгляд, почти ключевым противоречием в межгосударственных отношениях двух стран. Чтобы понять ситуацию, надо возвратиться в 1945 г.

Тогда 16 августа было подписано советско-польское Соглашение о возмещении ущерба, нанесенного Польше германской оккупацией. Польша обязалась поставлять в СССР уголь ежегодно, начиная с 1946 г., пять лет «и последующие годы периода оккупации Германии [...] по специальной договорной цене» в обмен на отказ СССР «в пользу Польши от всех претензий на германское имущество и другие активы, а также на акции германских промышленных и транспортных предприятий на всей (уже признанной западными державами. — А.Н.), территории Польши» (Подчеркнуто здесь и далее мной. — А.Н.) [15. С. 543—544]. Таким способом в Соглашении и протоколе к нему был заложен источник материального возмещения стоимости угля германскими активами, определен срок действия льготной цены и создана совместная комиссия «для точного определения рода, сроков и способов поставок репараций, причитающихся Польше» [15. С. 545]. Во втором, подписанном 5 марта 1947 г. протоколе к Соглашению, содержалась более четкая формулировка — поставки компенсируются «из уступленных Правительством СССР [...] германских активов на территории Польши». Там же была указана договорная цена угля такого сорта — 1, 22\$ за метро-тонну¹⁰.

В 1947 г., «в связи с сокращением на 50%, по просьбе правительства Польши, количеств угля, поставляемых Союзу ССР ежегодно», польское правительство «отказалось от получения половины доли репарационных поставок с Германии» и ее доля в репарациях снизилась с 15% до 7,5% [21. С. 175, 606—607]. Но этот отказ (из-за малой добычи угля) и цена ниже мировых закрепились в массовом сознании как «несправедливые», как «ограбление» польского народа» и в 1956 г. стали массовым требованием к власти — получить компенсацию потерь. Вкупе с привнесенным из эмигрантских кругов тезисом о советской оккупации, а вовсе не спасения поляков от истребления гитлеровцами, подобные оценки распространялись и на вывоз с территории Польши, включая

⁹ К 1956 г. уже было «забыто», что в послевоенные годы уголь в СССР доставлялся бесплатно советским железнодорожным транспортом, по путям, восстановленным и охраняемым тогда советскими солдатами. Бесплатным был и крепежный лес из СССР, отправляемый на шахты Силезии. «Забыто» и то, что, руководствуясь принятыми в Ялте решениями об использовании немецких трудовых ресурсов и в ответ на просьбу Польши, СССР передал для работы в шахтах 50 тыс. военнопленных немцев из лагерей НКВД СССР, находившихся на польских землях. Все это позволило начать добычу угля и поставки из Нижней Силезии в СССР в июле 1946 г. Замечу, на тех же основаниях около 15 тысяч силезских горняков, считавшихся немцами, были в 1945 г. отправлены на восстановление Донбасса, где тоже была острая нехватка кадров. В мае 1946 г., учитывая недостаток кадров в Силезии, СССР согласился на их репатриацию в Польшу. Однако, по данным на июнь 1945 г., лишь 7202 назвались поляками. 8328, посчитав себя немцами, отказывались репатрироваться, и в 1949 г. еще находились в СССР [20; 16. С. 382—383].

¹⁰ Это была средняя цена для сорта орех-1 и орех-2, для других сортов допускалось увеличение или уменьшение цены [19. Д. 47. Л. 96—97, 91]. Польское руководство не скрывало от граждан факта, что цена на уголь будет ниже мировых. Выступая на заседании правительства 18 августа 1945 г. глава государства Б. Берут огласил согласованную союзниками долю Польши от всех частей советских репараций — 15% и заявил: «Мы обязались поставлять уголь Советскому Союзу (на время оккупации Германии [...] приблизительно около пяти лет) ежегодно [...] по себестоимости», а на пресс-конференции 27 августа 1945 г. публично объяснил: «Ввиду того, что Советский Союз отказался от всех прав распоряжаться продукцией шахт, находящихся на западных территориях, присоединенных к Польше, [...] Польша должна делать это не бесплатно, а по себестоимости — без прибыли, но и без потерь» [15. С. 549, 555].

недавние немецкие земли, принадлежавшего СССР репарационного имущества побежденной Германии [22; 23. С. 426–428]¹¹.

Следует отметить, что, действия СССР направлялись исключительно против потенциала побежденной Германии, полностью соответствовали решениям глав Антигитлеровской коалиции, законам войны и нормам международных конвенций о сухопутной войне и правах победителей, которых на территории Польши представлял СССР. Однако тогда, когда национальная принадлежность многих предприятий была трудно выясняема (в годы войны немало их утратило владельцев и стало «немецкими»), действия советских трофейных команд при «выяснении имущественных отношений» вызывали споры на всех уровнях, а конфликты получали немедленный и устойчиво негативный резонанс в польском обществе, требовавшем равноправия в торговых и политических отношениях с СССР. Таким образом, большинство поляков выдвигали на передний план вопрос оплаты полной стоимости поставленного угля и вывезенного оборудования, вывода советских войск, представителей из структур управления страной и тем восстановления ее суверенности.

Эти невралгические «точки» в жизни и сознании большинства поляков, рожденные смесью успехов, провалов и насилия во внутренней политике 40–50-х годов XX в., повышавшийся градус недоверия к власти и одновременно после XX съезда КПСС ощущение близких перемен и свободы сосредотачивались на всеобщем политическом требовании заменить правившую в ПОРП группировку в руководстве страной. Все это и определило содержание, как кризиса 1956 г., так и переговорного процесса с СССР (см. подробнее [25. С. 159–213; 2. С. 563–579; 26. С. 69–70, 81–87, 150–152]).

На 1956 г. пришла почти катастрофическая ситуация с продовольственным снабжением городского населения, уже весной обернувшаяся серьезными

¹¹ Советская позиция по вывозу трофеев из Польши уточнялась не однажды. Приказом Ставки от 9 августа 1944 г. трофеями считались вооружение, боеприпасы, военная техника и прочее имущество военного назначения. По решению, принятому в Ялте в феврале 1945 г., предусматривались единовременные изъятия (демонтаж) в течение двух лет промышленного оборудования, подвижного состава и т. п. и репарации, под которыми имелись в виду товарные поставки текущей продукции, время окончания их не было определено. По советско-польскому соглашению от 26 марта 1945 г., и протоколу к нему, «находящееся на освобожденной Красной Армией территории Польши, а также на отходящей к Польше территории Германии оборудование германских предприятий и другое трофейное имущество [...] может быть вывезено на территорию СССР для использования на нужды войны». Причем, Временному правительству Польши будет сообщаться «наименование предприятий, оборудование которых полностью или частично подлежит вывозу»; «список предприятий и перечень сырья, полуфабрикатов и готовой продукции [...] предварительно согласуется», и польская сторона «выражает свое согласие на вывоз отдельных предприятий или части оборудования этих предприятий», уточнялось, что «германскими предприятиями следует считать все предприятия в пределах новых границ Польши, и те предприятия или части предприятий [...], которые были построены немцами или завезены немцами во время оккупации». Вывоз с польских заводов не допускался. Эти условия выполнялись, недостатки устранялись. Так, 28 мая 1945 г. на встрече с советским командованием в Варшаве Б. Берут заявил о задержке передачи Польше ряда заводов. 9 июня последовало указание члена ГКО СССР Г. М. Маленкова уполномоченному ГКО при 1-м Белорусском фронте «снять охрану и передать польской администрации по актам все предприятия, расположенные на территории Польши в границах 1939 г., о вывозе оборудования с которых поставления ГКО не было». 21 июля последовало распоряжение, обязывающее командующего Северной группой войск маршала К. К. Рокоссовского до 15 августа 1945 г. передать Польше в новых границах все предприятия, исключив 102 предприятия, уже намеченные к вывозу в СССР до 7 августа. Согласно сведениям Центрального статистического управления Госплана СССР к 1 августа 1946 г. из Польши в новых границах было вывезено 99% подлежавшего к вывозу оборудования и материалов, стоимостью с учетом износа в 445,1 млн долл. [1. Т. 4. С. 259–260; Т. 6. С. 467–469; 21. С. 432; 15. С. 541–550; 21. С. 304]; (см. подробнее [24. С. 66–74]).

волнениями рабочих в городах и промышленных центрах Силезии, Лодзи, Кракова. В июне 1956 г. протест рабочих Познани был поддержан социально пестрым, включая радикально настроенную молодежь, не менее недовольным населением города. Адекватных действий власти не последовало и начались беспорядки, погромы, стычки с полицией, появилось оружие, сливались воедино экономические и политические лозунги: «Хлеба и свободы!», «Долой большевизм!» и др. Власти ввели в город армейские части. Бои на улицах оборачивались ранеными и погибшими с той и другой стороны. Беспорядки были подавлены силой армии, превосходящей возможности протестующих [25. С. 119–129].

Протестное состояние общества не улучшало ситуацию в экономике, но придало «ускорение» осознанию в руководстве ПОРП неизбежности и необходимости предпринять срочные меры для перемен в жизни и настроениях большинства, прежде всего, городского населения. Среди возможных путей к этому рассматривались прямые переговоры с руководством СССР, которое, благодаря информации советских представителей в Варшаве, было в курсе массовых настроений и положения дел в экономике Польши [19. Д. 46. Л. 76–82]. 10 сентября 1956 г. политбюро ЦК ПОРП обсудило ситуацию и постановило обратиться в Москву за содействием в разрешении трудностей. Это сделал 11 сентября 1956 г. по пути в Китай, проездом через Москву, первый секретарь ЦК ПОРП Э. Охаб. Он вручил встречавшему его первому заместителю председателя Совета министров СССР А.И. Микояну документ «Поставки угля в СССР в 1946–1953 гг. по специальной цене». На словах он привел факты «несправедливостей» по стоимости репараций и оплаты угля и аргумент — если бы Польша поставляла его по торговым соглашениям соответствующих лет получила бы значительно больше. Было высказано пожелание решить вопрос о советниках КГБ, в которых «в данный момент» нет необходимости [19. Д. 46. Л. 73–74]. Микоян пообещал все передать «нашему ЦК». Эта беседа стала предлюдией к обмену мнениями руководства СССР и ПНР в октябре в Варшаве и конкретным переговорам в Москве в ноябре 1956 г.

Разговор с Охабом и высказанные им «предварительные замечания» Микоян изложил в записке в ЦК КПСС от 13 сентября 1956 г. [19. Д. 46. Л. 70–72]¹². Многие годы он был членом ПБ ЦК КПСС, в 1953–1955 гг. министром торговли СССР и позже, как член правительства, курировал внешнеэкономические связи СССР со странами народной демократии, поэтому в сути заявленных претензий и просьб предметно разбирался. По поводу советников КГБ Микоян предлагал «постепенно ликвидировать посты советников во всех странах народной демократии, по согласованию с правительствами этих стран, оставив только тех специалистов, которые нужны по конкретным вопросам оказания технической помощи». Касаясь слов Охаба и записки, полученной от него, Микоян не согласился, что «Польша переплатила нам через поставки угля против стоимости репараций, поскольку немецкие репарации исчислялись по довоенным мировым ценам, а эти цены, более, чем в 2 раза ниже тех мировых цен, по которым уголь поставлялся». Был сделан вывод: «Если все правильно посчитать, эти суммы будут уравновешивать друг друга». Микоян обозначил и действия советской стороны: Министерству внешней торговли СССР (далее — МВТ) «проверить расчеты польской стороны [...] и результаты, а также свои предложения по существу вопроса доложить ЦК КПСС» [19. Д. 46. Л. 72].

¹² Записка пересказана А.М. Ореховым без указания ее даты (см. [25. С. 151–152]).

В МВТ СССР проанализировали документ Охаба. Реакцией на него стала записка министра внешней торговли И.Г. Кабанова от 19 сентября 1956 г. Он назвал «несостоятельным» утверждение, что поставки угля по льготной цене предусматривались на 2–3 года, и был прав. В соглашении, напомним, речь шла о поставках в 1946 г., в «следующие четыре года и в последующие годы периода оккупации Германии». Министр проверил указанные Охабом объемом (54,355 млн т) поставленного в 1946–1953 гг. угля и полученные за него по льготной цене 60, 87 млн долл. Уточнил, угля было поставлено лишь 49,5 млн т; по мировым ценам торговых соглашений тех лет его стоимость была бы не названные поляками 691,58 млн долл., а лишь 577, 3 млн долл.; стоимость репараций, которые советской стороной «выполнены в соответствии с обязательствами», составляла не 295, 18 млн долл., как в польской записке, по внутренним германским ценам военных лет, которые были ниже послевоенных мировых, а 595,4 млн долл. мировых цен соответствующих лет поставки; опираясь на протокол от 5 марта 1947 г., который признавали СССР и Польша, министр утверждал: уголь поставлялся «не вместо репараций», как в документе Охаба, а «в компенсацию за уступленные Польше германские активы». Подход Кабанова к приведенным польской стороной количествам и стоимости угля, ее расходов и доходов с учетом мировых стоимостных показателей конкретных лет стал основой контраргументов СССР. В заключение министр предложил: в связи с требованием возместить «потери», надо «подсчитать наши затраты» и назвать объем экономической помощи Польше [19. Д. 46. Л. 61–65].

Записку разослали узкому руководству партии. 20 сентября 1956 г. Президиум ЦК КПСС ознакомился с ней и поручил проверить цифры и, вместе с Госпланом и МИД СССР, подготовить новый вариант, включив дополнительные данные [26. С. 130–131; 27. Т. 2. С. 423]. Так появилась докладная записка Госплана, МИД и МВТ от 29 сентября по вопросу экономической помощи СССР Польше. В ее основе лежал документ от 19 сентября с некоторыми дополнениями. Как исходное, констатировалось, что за время, начиная с 1946 г. Польша поставила в СССР 49,5 млн т угля, по цене в среднем 1,13 долл. при цене 11,7 долл. за метр/тонну по торговым соглашениям соответствующих лет, однако, «связывать эти поставки с репарациями» нет никаких оснований, ибо уголь поставлялся «в порядке компенсации за уступленные правительством Союза ССР германские активы на территории Польши». Указывалась и стоимость германских активов – «приблизительно 8,9 млрд долл. в довоенных ценах». В итоге проведенного анализа советских, совместных советско-польских документов и сравнения их с данным в материале Э. Охаба, делались выводы: «количество угля, поставленного Польшей по специальной договорной цене и его стоимость завышены», стоимость же полученных репараций «по польским данным, занижена». Отдельным абзацем были приведены сведения об экономической помощи Польше: кредитов выдано на общую сумму 5,2 млрд руб., что составляет «почти столько же [...] сколько всем остальным странам народной демократии, вместе взятым – 6,9 млрд руб., безвозмездной помощи предоставлено на около 250 млн руб. Авторы считали возможным передать записку Охабу [19. Д. 46. Л. 104–106; 27. Т. 2. С. 423–425].

1 октября 1956 г. докладную записку разослали членам Президиума ЦК КПСС. Согласно протоколу заседания 4 октября, по итогам обсуждения записки было поручено ее авторам «переработать проект ответа ЦК ПОРП по

вопросам, поставленным т. Охабом в беседе с Микояном 18 сентября»¹³, Микояну, «в соответствии с обменом мнениями», сделать «окончательную редакцию постановления по данному вопросу». Одновременно поручалось, согласившись «с предложением ЦК ПОРП (т. Охаб) об упразднении советников Комитета государственной безопасности в органах государственной безопасности Польши», «подготовить проект письма от ЦК КПСС ЦК ПОРП по данному вопросу» [19. Д. 46. Л. 103; 27. Т. 2. С. 423, 433; Т. 1. С. 168–169]¹⁴.

К этому времени в МВТ был разработан еще ряд документов по поводу угля¹⁵ и один из них «Справка о поставках угля из Польши в СССР по Соглашению от 16 августа 1945 г.». Помимо уже известных сведений, Кабанов обратил внимание руководства на то, что по соглашению и протоколу к нему была принята средняя цена 1, 22 долл. за тонну угля сорта Орех I и II, но «фактическая цена определялась ежегодно в зависимости от ассортимента поставляемого угля и колебалась в различные годы от 1,12 до 1,17 долл. В польских расчетах была принята за все годы цена в 1,12 долл. за тонну», что снизило стоимость поставленного угля. Далее, сравнивая польские расчеты с ценами товарных соглашений соответствующих лет и учитывая, что в польских расчетах были указаны поставки угля на *4,8 млн т* больше, чем, фактически было поставлено, министр констатировал: из 8,9 млрд долл. германских активов на уголь потрачено *521 млн долл.* в ценах соответствующих лет, а не *630,7 млн долл.*, на чем настаивала Польша. Кроме того, указывалось, что в польских расчетах упущено важное обстоятельство: начиная с 1 января 1954 г. СССР отказался «от получения угля по льготной цене» и МВТ напомнило, что кредитов Польше предоставлено «вдвое больше, чем всем странам народной демократии, вместе взятым» [27. Т. 2. С. 427–429]. Все это корректировало в пользу советской стороны общую стоимость угля и, главное – его фактическую долю в переданных Польше германских активах [27. Т. 2. С. 427–429; 26. С. 135].

Надо отметить, что в 1956 г. в руководстве и аппарате ЦК ПОРП единодушие по поводу советской «задолженности» за уголь не было. Так, на встрече в июле 1956 г. советских и польских руководителей в Варшаве на вопрос Хрущева «Как сейчас обстоит дело с ценами на экспорт угля в СССР», последовало заверение главы ПОРП Э. Охаба и премьер-министра Ю. Циранкевича: до 1950 г. положение «было неправильным», а с 1950 г. (!) «у Польши никаких претензий в связи с этим нет» [19. Д. 141. Л. 63]. 13 октября 1956 г. посол СССР П.К. Пономаренко направил в Москву информацию: 10 октября на собрании партийного актива аппарата ЦК ПОРП речь шла о том, что теперь можно было бы продавать уголь на рынке значительно выгодней, чем в СССР, что уголь продается дешево, а товары СССР поставляет по высокой цене. На это министр внешней торговли К. Домбровский заметил: «Торговля с СССР идет на основе единых мировых цен», и «как бы мы, поляки, дорого или дешево, ни продавали уголь Советскому Союзу, также дорого или дешево, на вполне взаимной основе мы получаем товары из СССР». Слова министра

¹³ По словам Микояна, сказанным 19 октября в Варшаве, Охаб, возвращаясь из Китая, где 17 сентября выступил в Пекине на съезде компартии, «не пожелал встретиться с руководителями ЦК КПСС». Сведениями о содержании состоявшейся 18 сентября беседы мы не располагаем. Можно предположить, что в основе упоминаемой в материалах Президиума ЦК КПСС беседы Микояна 18 сентября лежит, скорее всего, материал записки от 13 сентября, подготовленной сразу после первой беседы с Охабом. Однако в Политбюро был представлен текст, датированный 18 сентября.

¹⁴ Проект письма в ЦК ПОРП обсуждался на заседании Президиума 21–22 октября 1956 г. [19. Д. 69. Л. 155–156].

¹⁵ Значительная часть их опубликована (см. [27. Т. 2. С. С. 425–433]).

большинство собрания приняло «с огромным удовлетворением» [19. Д. 141. Л. 139; 25. С. 171].

Тем временем события в Варшаве развивались стремительно, о чем посольство направляло тревожную информацию в Москву¹⁶, где она вызвала опасения за ситуацию в стране и надежду на сохранение внешнеполитического курса ключевой союзницы СССР, ибо через Польшу проходили главные коммуникации, соединявшие советские войска на территории СССР, Северную группу войск в Польше и Советскую группу войск в ГДР. От «поведения» Польши в немалой мере зависели безопасность, прежде всего, самой ПНР, СССР и равновесие сил великих держав в Европе.

В обстановке холодной войны, недавно закончившегося вооруженного столкновения в Корее, бунта в польской Познани и «закипавшей» Венгрии, руководство СССР считало стремительно нараставший в Польше конфликт между большинством населения и властью в лице руководства ПОРП, рожденный массовым социально-экономическим недовольством, усиленный «традиционными» антирусскими и антисоветскими настроениями, угрозой для ПОРП и, по меньшей мере, непредсказуемыми последствиями для ее правившей группировки [25. С. 161].

Польское руководство реагировало на ситуацию обращениями за кредитами на продовольствие к СССР и политическим решением о возвращении к власти Вл. Гомулки — популярного и довольно самостоятельного политика, автора концепции «польского пути к социализму», в 1948 г. отстраненного от власти в партии с согласия Сталина. Для принятия необходимых решений на 19–20 октября 1956 г. был намечен VIII пленум ЦК ПОРП. В Москве выразили крайнее недовольство отсутствием уведомления ЦК КПСС о партийном мероприятии. Последовало решение о поездке небольшой делегации во главе с Н.С. Хрущевым в Варшаву для беседы с «польскими товарищами» (см. [25. С. 159–213; 18. С. 460–509]).

Судя по советским архивным документам, А.И. Микояну было поручено начать разговор в ПБ ЦК ПОРП. Он к этому готовился, о чем свидетельствует сделанный не позже 18 октября 1956 г. небольшой, но важный рукописный набросок карандашом [28]. По поводу экономических отношений двух стран Микоян написал: «От Польши ничего не нужно нам». «Угольную проблему» он связал, в основном, с текущими польскими трудностями добычи и поставок угля в СССР, что может быть свидетельством второстепенности ее для советского руководства. Центральными в записке Микояна стали политические вопросы. Он намеревался говорить о праве советских коммунистов приехать в Варшаву для разговора («раньше вы, а теперь мы приехали»), упомянул интернациональный долг, что объясняло неотложность поездки в Варшаву.

¹⁶ 10 октября Охав на заседании ПБ ЦК ПОРП настаивал на удалении всех советских офицеров и советников из Войска польского и решение приняли; 12 октября говорилось: «Советские товарищи должны [...] понять и возратить нам причитающуюся сумму (за уголь) [...], иначе мы дыры не залачаем»; тогда же посол уведомил о беседе с Циранкевичем: «Тон разговора: не поможете — банкротство»; 12 октября он сообщил, что Охав находился в состоянии почти паники от вероятного возвращения бывшего руководителя страны Вл. Гомулки; 13 октября уведомил о принятом в Варшаве решении освободиться от советников КГБ в Министерстве общественной безопасности; согласно шифровке от 13/14 октября, Охав «с некоторым возбуждением» говорил о так называемых угольных репарациях, которые «трудно объяснить даже пленуму», настаивал на необходимости «высказать твердую позицию в меморандуме Советскому правительству» [19. Д. 141. Л. 128, 129, 135, 136, 138, 142; Д. 143. Л. 130; 2. С. 639; 25. С. 160].

Текст: «Нельзя [не] считаться с тем, что речь идет о союзе между нашими государствами и их единстве против НАТО [...], американское радио — рупор НАТО — 12 октября дает информацию более подробно, чем имеем мы», — начал упрек ПОРП в непонимании и недооценке общности интересов СССР и Польши на германо-польском направлении. В этой связи резко выделялись две проблемы. Первая — «как понимать разговоры об удалении советских офицеров из армии». Ответ: «Наша установка: поменьше дать своих и постепенно удалять. Разве это мешает суверенитету?» означал, что вопрос, уже обсуждаем советской стороной.

Вторая проблема была обусловлена опасениями Москвы за стабильность внутривнутриполитического курса Польши и союзные, прежде всего, партийные отношения с СССР и КПСС. Речь шла о несогласованных с ЦК КПСС персональных переменах в ПБ ЦК ПОРП. Микоян записал: «Мы не вмешиваемся в вопрос, кого именно выберете в Политбюро. Но когда речь идет об исключении из руководства большой группы заслуженных деятелей [...], первый Рокоссовский — разве не удар по дружбе? [...] Здесь дело в лицах, и в политической направленности изменения руководства — против дружбы с СССР». Причем, дружба понималась как общность интересов двух стран, в том числе и геополитических. Обращает на себя внимание, что Микоян не поставил в вину польскому руководству намерение «включить» Гомулку в состав Политбюро ЦК ПОРП, опять же не уведомив об этом Москву. Есть данные, что с 28 сентября 1956 г. в ЦК КПСС знали, что на очередном пленуме ЦК ПОРП Гомулка «будет введен в состав руководящих органов партии», но никаких «контрмер» не предпринимали. Напротив, Гомулке сообщили: «Рады, что он вновь продвигается к руководству партией, что мы ему и при Сталине сочувствовали» (цит. по 29. С. 22)¹⁷.

Можно предположить, что в Москве не опасались (другой вопрос — хотели ли) появления Гомулки в руководстве страной, но были весьма встревожены отстранением от власти надежных деятелей, таких, как Э. Охав или К.К. Рокоссовский. Кроме того, здесь не столько волновались из-за требования отозвать советников КГБ и армейских офицеров, сколько были возмущены формой с элементом пренебрежения польских товарищей ролью советских военнослужащих в создании и модернизации силовых ведомств, в обеспечении безопасности Польши¹⁸.

Блок проблем, который в заготовке Микояна был намечен для переговоров, обсуждался 19 октября 1956 г. в Варшаве перед и во время работы пленума ЦК ПОРП, возвратившего Гомулку на высший партийный пост (см. [25. С. 183—197]). Разговор был нервный с обеих сторон, проходил в условиях чрезвычайного напряжения в городе: советская танковая дивизия двигалась в направлении Варшавы, польские внутренние войска и полиция были сконцентрированы вблизи столицы и приведены в боевую готовность; рабочие крупных предприятий города создавали отряды самообороны; город готовился к сопротивлению. С таким развитием событий в союзной стране, советское руководство пока не встречалось.

¹⁷ Информация была получена в Будапеште от поляков [25. С. 153].

¹⁸ Судя по записке Микояна и дальнейшему развитию вопроса с советниками, можно понять непротивление советской стороны приходу Гомулки как некую «предоплату» руководству ПОРП за торможение процесса ликвидации института советских советников и офицеров в польской армии при шумной «угрозе» Хрущева «отозвать всех». Некоторые из них служили в Войске польском до 1968 г. Советников КГБ заменили на представителей КГБ с уменьшенным штатом и полномочиями, одиозные фигуры отзывали в СССР и даже судили (см. подробнее [20. С. 79—94]).

Опираясь на советскую запись этих переговоров можно настаивать, что геополитические соображения были главной и, возможно, единственной из всех существенных для Москвы причин спешной поездки в Варшаву (см. [25. С. 169–201]). Н.С. Хрущев убеждал польских руководителей в главном: «Поймите, что без Советского Союза Польша не может обеспечивать своей безопасности и незыблемости границ. А реваншисты Западной Германии наглеют». Объяснял: «Сейчас мы имеем большие войска в Германии и для нас исключительно важна связь с ними [...]. Мы не хотим нового похода через Варшаву на Москву». Порой говорил резко: «Мы не уверены, что в один прекрасный день не будут нарушены наши коммуникации с советскими войсками в Германии, а там люди стоят на переднем крае обороны социалистического лагеря, в том числе и Польши». Высказывались опасения, что Польша может «повернуть в сторону Запада», т.е. выйти из Варшавского договора, что поставит под угрозу существование военно-политического союза стран региона и «оголит» западные рубежи безопасности СССР [18. С. 466, 492, 473, 490] (цит. по [25. С. 189, 192, 194]).

Для польской стороны главное было в другом. Они, прежде всего Вл. Гомулка, давали понять советским товарищам, что времена меняются и ПОРП претендует на признание на деле суверенитета Польши, намерена не допускать вмешательства в ее внутренние дела и настаивать на равноправии во всех отношениях с СССР. Причем новый лидер ПОРП заверял, что изменение состава польского руководства отнюдь не означает «смены курса в политике дружественных отношений с СССР»; реагировал на упреки в недооценке роли СССР как гаранта безопасности Польши и ее западных границ; уверял, что «дружба нам больше нужна, чем вам, и все мыслящие люди в Польше это понимают. [...] Но окончательно решать – наше дело»; поклялся «как поляк и коммунист», что «Польша больше нуждается в дружбе с русскими, чем русские в дружбе с поляками. Разве мы не понимаем, что без вас мы не сможем просуществовать как независимое государство?». Он убеждал незваных гостей из Москвы, что выхода Польши из Варшавского договора не последует, ибо он отражает насущные национальные интересы Польши, гарантирует незыблемость ее западных границ и «народ за дружбу с СССР» [18. С. 473; 25. С. 189, 192, 194].

Допустимо сделать вывод, что оба партийных лидера исходили из общности интересов двух стран, а именно сохранности власти и безопасности каждый своих западных границ. Хрущев был из поколения убежденных интернационалистов, служителей делу социализма и во имя этого делал немалые политические и экономические вложения, в том числе в дислокацию и содержание группы советских войск, предоставление Польше помощи высококвалифицированных военных и гражданских кадров, больших кредитов, оборудования, техники, хлеба, вовсе нелишних для СССР. Он рассчитывал на ответное понимание роли СССР и, по его мнению, не получая его, говорил о «хозяйственном обременении» страны и людей.

Вл. Гомулка – польский патриот, несомненный интернационалист, верный идеям социализма, жил в обществе особой национальной чувствительности, предпочтительных симпатий к западным ценностям и распространенных антикоммунистических настроений. Будучи опытным политиком, он понимал, что безопасность государства новой Польши в одиночку, без советской поддержки нельзя обеспечить, но работал под сильным давлением общественных настроений рядовых поляков. Многие из них чаще думали о потерянном Львове, чем о приобретенной Силезии. Они не хотели принять как данность времени

того обстоятельства, что Запад не будет отстаивать ни западных, ни довоенных восточных границ Польши, поэтому воспринимали советское, особенно военное, присутствие лишь как ограничение их суверенитета, с чем не желали считаться. В таких обстоятельствах Гомулка не мог не требовать от СССР уступок.

Одновременно в ходе обмена резкими репликами 19 октября выяснилась прямая связь, которую устанавливал Хрущев между приоритетными для него геополитическими интересами двух стран и польскими решениями о персональном составе нового руководства ПОРП. Гомулка считал, что в польском руководстве должны быть люди, верные дружбе с СССР, но, уверенный в своих товарищах по партии, отвечал: «Вопрос о составе Политбюро — это наш внутренний вопрос», квалифицировал приезд делегации ЦК КПСС как «вмешательство в наши дела, [...] с целью повлиять [...] на утверждение нового состава руководства». Он отстаивал право польских коммунистов на самостоятельные и независимые от Москвы («все внутренние вопросы мы должны решать сами») решения по этому и другим вопросам внутренней политики ПОРП, а слова Хрущева повлиять на будущий состав руководства партии квалифицировал как попытку вмешательства в «наш внутренний вопрос». Обращаясь к Хрущеву, Гомулка заверял: «Если вы думаете, что перемещения в Политбюро делаются против дружбы с СССР, то вы глубоко заблуждаетесь». Напряжение в разговоре сняла спокойная просьба Гомулки остановить движение войск на Варшаву и ее выполнение приказом Хрущева маршалу И.С. Коневу. Позднее Хрущев записал в воспоминаниях «Все остальное оказалось второстепенным делом» [18. С. 496, 465, 474–475, 500] (цит. по [25. С. 192]).

Действительно, А.И. Микоян, который выступил первым, заявил, что советское руководство готово пойти навстречу польской стороне по вопросу о поставках «репарационного угля». Хрущев добавил: «Мы помогаем хлебом Румынии и Югославии и вам будем помогать. Разве мы [не делимся] с Польшей?», оговорившись, что «дружить с вами для нас — большое хозяйственное обременение» [25. С. 189; 18. С. 493]. На затронутый поляками во время беседы и ранее 11 сентября 1956 г. с Микояном вопрос о советниках КГБ, Хрущев ответил устно, проявив готовность отозвать всех советников КГБ из польской безопасности и всех офицеров и генералов из Войска польского [18. С. 472].

Тем и закончился обмен мнениями советского и польского руководства по наиболее злободневным вопросам советско-польских отношений. Было решено считать встречу неофициальной и отложить переговоры по этим вопросам. Они состоялись лишь в ноябре 1956 г. Их инициировал Гомулка письмом Хрущеву 9 ноября, где назвал две главные претензии к СССР — слишком большие расходы на оборону, в том числе на участие Польши в Объединенных вооруженных силах (ОВС) блока и «неоплаченный» уголь. В Москву были переданы специально подготовленные на этот счет записки. На первый план были выдвинуты «прискорбные факты нарушения принципов полного равенства сторон», что нанесло «ущерб экономическим интересам Польши», которая «несла бремя, непосильное для ее экономических возможностей». Подробно излагался доказательный материал по трем главным вопросам: 1) неадекватная оплата Москвой поставленного угля; 2) слишком тяжелая для Польши стоимость «рекомендованного [опять же Москвой] обеспечения коммуникационных целей Советской армии на случай войны», «за счет только Польши [...], производство работ стратегического характера», «не связанных с внутренними потребностями народного хозяйства Польши», затраты «на оборонную промышленность и импорт вооружения». Предлагалось «аннулировать оставшуюся на 1 января

1956 г. задолженность» Польши; 3) учесть необходимые затраты на восстановление страны и экономики Западных земель, «сильно пострадавших не только от войны, но и массового изъятия оборудования» (читай: демонтаж, трофеи). Этими расходами Польши, а не провалом экономического курса его предшественника Б. Берута на ускоренную индустриализацию страны, Гомулка объяснял падение уровня жизни населения в 1951–1953 гг. и «критическое положение в настоящее время». Он считал, что исправление такого положения дел «облегчит борьбу с приносящими большой политической вред антисоветскими настроениями, и просил руководство СССР списать задолженности Польши по кредитам на вооружение и др. [19. Д. 47. Л. 64–71].

Реагируя на письмо Гомулки, в Москве подготовили два документа. 13 ноября 1956 г. министр обороны СССР маршал Г.К. Жуков подписал записку в ЦК КПСС с ответом на главные претензии Варшавы по военным вопросам: о «неравноправных отношениях в деле организации обороны» и отсутствии статуса пребывания советских войск; о наращивании военной промышленности, рядов Войска польского (ВП) и высокой доле его участия в Объединенных вооруженных силах (ОВС) блока. Маршал считал целесообразным сократить ряды, повысив боеготовность Войска польского¹⁹, но без передачи Польше лицензии на производство ракетного и ядерного оружия; учитывая ситуацию, видел возможность снизить «дальнейшее развитие оборонной промышленности»²⁰, но не считал целесообразным сокращение участия ВП в ОВС (13 общевойсковых дивизий из 69), отверг тезис о неравноправном участии сторон в военно-стратегической подготовке ее территории за счет Польши, поскольку, начиная с января 1951 г., когда «Комиссия представителей стран народной демократии приняла решение, чтобы, [...] каждая страна сама определяла возможности и размеры оборонной промышленности», СССР был лишь исполнителем того, что планировала, утверждала и оплачивала Польша. Поэтому Жуков настаивал: «Как было, так и будет». Касаясь вопроса о статусе пребывания советских людей в Польше, маршал выступил за сохранение принципа подчиненности советской юрисдикции лиц, принадлежащих к Северной группе войск, признал не имеющими оснований для пересмотра действующие мировые цены на поставки вооружения и претензии по экономической стороне пребывания советских войск. В заключение он противопоставил польской статистике двухмиллионные потери солдат Красной армии, включая 500 тыс. убитых, стоимость потерянного вооружения и материальных средств при освобождении Польши (более 34 млрд руб.), стоимость полного обеспечения Войска польского в годы войны (2351 млн руб.) и безвозмездных вложений с июня 1945 по июнь 1946 г – 300,4 млн руб. [19. Д. 47. Л. 43–57].

Вторым ответом на доводы Гомулки была справка И.Г. Кабанова и его заместителя К.И. Коваля от 14 ноября 1956 г. «К вопросу о поставках угля из Польши в СССР по Соглашению от 16 августа 1945 г.». Изложенные ранее статистика и аргументы повторялись и уточнялись, четко указывалось, что в частичную компенсацию Польшей германских активов углем было оплачено 521 млн долл., или «приблизительно 6% от общей стоимости активов, перешедших к Польше»; льготная цена на уголь была привязана не к репарациям СССР с Германии (на

¹⁹ Численность ВП в 1955–1956 гг. г. была сокращена с 330 тыс. до 217 тыс. человек [19. Д. 47. Л. 64–71].

²⁰ Доля капиталовложений в оборонную промышленность к общим капиталовложениям Польши составляла: 1951 г. – 3,7%, 1952–7,4, 1953–7,2, 1954–5,4, 1955–3,2%. Они находились на уровне других союзных стран [19. Д. 47. Л. 64–71].

31 декабря 53 г. — 3081,9 млн долл. [31. С. 175]), из которых Польшей было получено 8,4% (257,8 млн долл.) вместо положенных 7,5%, а к отказу СССР по соглашению от 16 августа 1945 г. от германских активов на территории Польши в пользу Польши (8,9 млрд долл.). В связи с этим отказом, объясняемым невозможностью поляков выполнять поставки угля в полном объеме, и была предусмотрена поставка угля по льготной цене [19. Д. 47. Л. 25–40].

На основании своих подсчетов авторы записки пришли к однозначному выводу: «У польского правительства нет ни юридических, ни моральных оснований требовать от нас возмещения полной стоимости угля, поставленного Польшей по соглашению от 16 августа 1945 г. или 2,1 млрд руб.». Они отметили, что это «равняется задолженности Польши по всем займам и кредитам на 1 октября 1956 г. (2149 млн руб.)». В доступных документах МВТ до и во время переговоров такой вывод больше не фигурировал, но прагматичный подход («полная оплата угля равняется польской задолженности») стал основой для политического компромисса [19. Д. 47. Л. 26].

15 ноября делегация во главе с Вл. Гомулкой прибыла в Москву. Сразу состоялся обмен мнениями на высшем уровне. Лидер ПОРП заявил: «Необходимо установить общую точку зрения именно здесь и, прежде всего, [...] о польском угле». Хрущев отвел это предложение. Гомулка поставил вопрос о репарациях и пребывании Красной армии в Польше. Булганин проявил готовность обсудить. Циранкевич повторил «вопрос о советских войсках в Польше». Хрущев снова отвел вопрос, согласившись «выслушать [...] сейчас» Гомулку по «решающему для нас вопросу — это [текущая] добыча угля» и ситуации в добывающей промышленности²¹ и настоял на этом. Гомулка ответил: «Положение у нас хуже, чем мы сами до последнего времени думали», подробно описал состояние дел в отрасли (капвложения «весьма скудные», не хватает кадров). Хрущев предложил пригласить рабочих из Китая, привлечь к капиталовложениям «все заинтересованные страны», «посмотреть на Донбасс», обещал помочь и настоял на предложении «все перенести в подкомиссию», которая соберется вечером во главе с А.И. Микояном и Ю. Циранкевичем [19. Д. 47. Л. 130–138].

Из советской записки заседания подкомиссии следует, что по польской инициативе обсуждался лишь вопрос пребывания советских войск в Польше. Циранкевич предложил, поскольку это «не предусмотрено ни в Потсдаме, ни Варшавским договором», выработать «формулу как политическую, так и юридическую», обосновывающую его необходимость, «обсудить сроки, количество и статус» советских войск, и подписать декларацию или специальный договор «на этот счет». Микоян, со своей стороны, признал, что статус нужен, чтобы исправить «существующие неправильности» и решить вопрос возмещения ущерба, причиненного советскими войсками польским частным гражданам, и напомнил: «Еще в июле мы предлагали, что мы возмещаем 75% ущерба». Циранкевич, пообещав на следующий день представить проект статуса, повторил: «Нам важно дать политическую оценку этому вопросу» [19. Д. 48. Л. 56–58].

16 ноября польская делегация вручила пять записок с изложением финансовых претензий по углю, репарациям, немецким активам, разрушениям времени войны [19. Д. 48. Л. 60–112]. Так, демонтаж оборудования с Западных земель польская сторона оценила в 1,5 млрд долл., рассчитывала посчитать по современным ценам и взыскать ущерб, нанесенный демонтажем заводов и вывозом оборудования в СССР и в итоге подписать совместное заявление,

²¹ Польша не выполняла обязательства по поставкам угля в СССР, ГДР и Чехословакию.

декларацию, протокол²² о пребывании советских войск, определить их статус и, по мере развития международной ситуации, их численность, дислокацию, условия пользования территорией и узлом связи в г. Легнице. И главное — «время от времени консультироваться по вопросам необходимости дислокации советских воинских частей на территории Польши и их состава», указывалось, что «обе стороны признают возможность, чтобы количество и численность этих частей подверглись в ближайшее время ограничениям» [19. Д. 48. Л. 136]. При принятии этих условий группа советских войск оказывалась в «подвешенном» во времени состоянии вывода раньше или позже.

В тот же день Гомулка позвонил заместителю министра иностранных дел СССР В.А. Зорину и просил конкретно указать в будущей декларации: «В Польше количество советских войск уменьшается на столько-то и в такой-то срок», предупредил, что польская сторона «завтра, 17 ноября, при встрече намерена поставить этот вопрос» [19. Д. 48. Л. 15]²³.

Во время беседы с советскими руководителями, состоявшейся 17 ноября, Гомулка предложил Хрущеву «сократить до известной степени количество ваших войск на польской территории» и отразить это в совместном заявлении. Последовал обмен репликами: Хрущев: «Не думаю, чтобы это было выгодно для Польши», кивая на НАТО. Гомулка настаивал. Хрущев предложил заменить советские войска в Германии польскими: «Ведь вы же находитесь по соседству с Германией, а не мы». Гомулка, имея в виду задачу снижения уровня антисоветских настроений в Польше, объяснил сокращение советских войск в Польше «политической потребностью»: оно «означало бы, что мы что-то делаем в этом отношении» и согласился еще подумать «над этим вопросом». Хрущев ответил: «Вам маршал Жуков доложил, что наши силы в Польше символические». Гомулка обещал еще подумать «над этим» и перешел к вопросу о репатриациях [19. Д. 47. Л. 153—155, 157].

Советская сторона заявила о готовности пойти навстречу в уточнении вопроса «о суверенитете Польши в структуре командования по Варшавскому пакту», согласилась на продолжение репатриации поляков из СССР, признала «справедливыми» претензии по использованию узла связи в г. Легнице, но отвергла предложение «относительно участия СССР в финансировании строительства коммуникационных путей, аэродромов и других стратегических сооружений на территории Польши», «сославшись на свои затраты» в «наше общее дело подготовки к обороне», которые «окажутся несравнимо большими, чем польские» [19. Д. 47. Л. 146].

Хрущев констатировал, что по углю и перевозкам по воинским тарифам имеются расхождения, но «в данных условиях, учитывая Ваши экономические трудности, мы согласны пойти польской стороне навстречу. Мы предлагаем считать погашенной задолженность Польши по состоянию на 1 ноября 1956 г. по использованному суммам кредитов, предоставленных Советским Союзом Польше, в оплату полной стоимости угля, поставленного из Польши в СССР в период 1946—1953 гг. Такое решение нам кажется целесообразным, поскольку остаток задолженности по кредитам и уголь равнозначны [...]. Я заявляю со всей ответственностью, что в общем эти расходы покрываются». После перерыва Гомулка признал, что

²² В архивных документах фигурируют все три названия, но в итоге были подписаны совместное заявление и протокол.

²³ Однако в датированных 18 ноября вариантах совместного заявления и протокола и в опубликованном протоколе по итогам переговоров подобных формулировок не было.

«советские предложения в своей основе отвечают интересам польской стороны, польская делегация принимает их с большим удовлетворением [...]». С политической точки зрения предложение советской делегации для нас весьма и весьма выгодно», и в третий раз заявил, что *«главным вопросом является уголь»*. В данном случае, можно предположить, имелись в виду особенно негативные настроения поляков. Из высказываний Гомулки ясно, что получение списания долгов и было первой задачей польской делегации в Москве. Советская сторона ее решила. В заключение беседы Хрущев предложил встретиться еще раз и 18 ноября 1956 г. подписать документы [19. Д. 47. Л. 147, 149, 152, 160]²⁴.

19 ноября 1956 г. «Правда» опубликовала совместное заявление (декларация), подписанное Хрущевым, Булганиным и Гомулкой, Циранкевичем и протокол за подписью Булганина и Циранкевича. В них были отражены договоренности и принятые решения по ряду вопросов, но, в первую очередь по двум: 1. Признавалось необходимым «заключить соглашение, определяющее статус советских войск, расположенных в Польше»; констатировалось, что «вопросы количественного состава войск являются исключительно внутренней компетенцией каждой из сторон». 2. «Исходя из взаимных интересов», стороны «согласились считать погашенной задолженность Польши по состоянию на 1 ноября 1956 г. [...] в оплату полной стоимости угля по соответствующим мировым ценам» [32; 19. Д. 69. Л. 165–171; 173–177; Д. 48. Л. 156–163, 164–168]. Упоминание «полной стоимости угля» было прямо адресовано рядовым полякам.

Позже Президиум ЦК КПСС разослал послам СССР в Будапеште, Бухаресте, Берлине, Праге, Тиране, Софии, Пекине, Пхеньяне, Улан-Баторе, Ханое информационное письмо по ряду внешнеполитических вопросов, включая состоявшиеся переговоры с польским руководством. Это был «аккуратный» текст о «братской помощи» двух стран друг другу в первые послевоенные годы, о поставленном вопросе «полной оплаты стоимости угля», чтобы пресечь разговоры «враждебных элементов внутри страны и за рубежом, [...] что якобы Польша за бесценок поставляла уголь в СССР», и учитывая это, советское руководство «решило пойти навстречу польскому правительству [...], согласившись считать погашенной задолженность Польши [...] в оплату полной стоимости угля за 1946–1953 гг.». Послы уведомлялись, что ЦК КПСС «приветствует приход к руководству в ПОРП тов. Гомулки и окажет ему необходимую поддержку» [19. Д. 49. Л. 11, 14]. Так руководство СССР подвело итоги весьма непростых переговоров по урегулированию наиболее политически чувствительных вопросов в отношениях двух стран — суверенной государственности и равноправия в сотрудничестве.

До сих пор «за кадром» звучит вопрос: был ли Хрущев «прижат к стене» требованиями и аргументами поляков по углю и советскому военному присутствию и поэтому уступил Гомулке? А.М. Орехов в 2005 г. ответил: «Скорее да». Затем его позиция смягчилась: «Ситуация в советско-польских отношениях существенно изменилась» и польское руководство «фактически добилось права достаточно самостоятельно принимать решения, касавшиеся внутренней, а в перспективе и внешней политики» [25. С. 270–271; 26. С. 206].

Из проанализированных в статье конкретных материалов советско-польских отношений следует: СССР по соглашениям, подписанным в 1945 и 1947 гг., не был должен Польше дополнительно платить за уголь, но принял на себя непредусмотренную оплату «полной стоимости угля», согласился

²⁴ Документами этой встречи не располагаю.

на сокращение военного присутствия, воспринимавшегося поляками не как способ охраны ее западных границ (для Хрущева — безоговорочный приоритет), а как прямое ограничение национального суверенитета. Согласие на полную оплату угля было дано ради того, чтобы Польша избежала банкротства и снизился уровень недовольства поляков, чтобы ПОРП сохранила устойчивость власти (это — главное для Гомулки), наглядно ограничив зримые проявления зависимости от СССР. Найденное политическое решение урегулирования экономических и военно-политических разногласий было тогда разумно с точки зрения геополитических интересов СССР как фактора высокой политики, лидера военно-политического блока и гаранта равновесия сил в Европе. Оно соответствовало интересам Польской Народной Республики и позволяло ей, поступившись частью суверенитета, сохранить свои геополитические позиции, избежать возможной в тех условиях угрозы потерять новые западные земли. Хрущев и Гомулка пошли на взаимные уступки и тем предотвратили в ту пору потрясения в Польше с прогнозируемыми последствиями. О том, какими они могли быть откровенно предупреждал поляков министр госбезопасности ГДР Эрнст Волльвебер. В сентябре-октябре 1956 г. он посещал Польшу, беседовал с польскими политиками, в том числе с главным редактором газеты «Trybuna Ludu» Ю. Бургиным, которого убеждал: «Вам должно быть ясно, что ГДР может существовать только при наличии на ее территории советских войск [...], без советских войск не будет ГДР, а без ГДР не будет и Польши в ее теперешнем виде [...]. Мы не ставим вопрос о границе по Одере — Нейсе, но вследствие обстановки, как она, очевидно, в Польше складывается, в Германии возникнут широкие ревизионистские настроения в отношении границы Одер — Нейсе» [19. Оп. 44. Д. 143. Л. 145, 147].

При таком развитии событий ПОРП потеряла бы власть, правда, власть — величина переменная, в отличие от потери территории, приобретенной усилиями СССР в 1945 г. Как и в 30-годы XX в. Польша могла вновь оказаться между СССР и Германией — ФРГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1978. Т. 2; М., 1984. Т. 4; М., 1980. Т. 6.
2. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.
3. *Rudnicki S.* Falanga. Ruch narodowo-radikalny. Warszawa, 2018.
4. *Kozłowski Cz.* Namiestnik Stalina. Warszawa, 1993.
5. *Modzelewski — Werblan.* Polska Ludowa. Warszawa, 2017.
6. *Polska Partia Robotnicza.* Dokumenty programowe. 1942–1948. Warszawa, 1984.
7. *Słabek H.* O społecznej historii Polski. 1945–1989. Warszawa, 2009.
8. *Kaliński J.* Gospodarka Polski w latach 1944–1989. Warszawa, 1995; *Landau Z.* Gospodarka Polski Ludowej. Warszawa, 1995.
9. *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002, 2008.
10. PPR. I. 1947 — XII. 1948. Warszawa, 1973.
11. *Gomułka Wł.* Pamiętniki. Warszawa, 1994. Т. II. S.47; *Gryciuk F.* Kolektywizacja wsi polskiej // Represje wsi polskiej i ruchu ludowego (1944–1956). Warszawa, 2003. Т. I.
12. *Werblan A.* Stalinizm w Polsce. Warszawa, 2009; *Wnuk R.* Problem bandytyzmu wśród ruchu żołnierzy antykomunistycznego podziemia w Polsce (1945–1947) // Komunizm. Ideologia. System. Ludzie. Warszawa, 2001.

13. *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М. 2008. Раздел III. Гл. I, III.
14. *Носкова А.Ф.* Римско-католическая церковь и кризис 1956 г. в Польше // Государство и Церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века. М., 2014. С. 160–188.
15. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М. 1974. Т. VIII.
16. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. М., 1999. Т. 1. 1944–1948. Документы.
17. *Носкова А.Ф.* Московские советники в странах Восточной Европы // Вопросы истории. 1998. № 1.
18. *Орехов А.М.* Беседы под сводами Бельведера (Встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г. // Славянский альманах. 2007. М., 2008.
19. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 66.
20. Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. М., 2001. С. 223, 367.
21. Советская политика в отношении Германии. 1944–1954. М., 2011.
22. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 223. Л. 159–163.
23. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). СССР и Польша. М., 1994.
24. *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения. 1945–1949. М., 1990.
25. *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели». Из истории советско-польских отношений. М., 2005.
26. *Орехов А.М.* Очерки истории экономических отношений СССР и ПНР. 1944–1957 М., 2017.
27. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы; М., 2003. Т. 2. Постановления. 1954–1958. М. 2006.
28. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 120. Д. 1237. Л. 1–3.
29. *Селиванов И.Н.* Кремлевская дипломатия в действии: события 1956 г. в Польше и Венгрии глазами А.И. Микояна // Венгерский кризис 1956 в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений. М., 2018.
30. *Носкова А.Ф.* Рокоссовский в Польше. 1949–1956: неизвестные страницы биографии // Studia Polonica. К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М., 2002.
31. Советская политика в отношении Германии. 1944–1954. Документы. М., 2011. С. 175.
32. Правда. 1956. 19 XI.